

ТАКСИС И ДЕЕПРИЧАСТИЕ В БЕЖТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Бектемирова П. М.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия (367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37), e-mail: bektempat@mail.ru

В статье рассматривается деепричастие как средство выражения таксиса. Таксисные значения в бежтинском языке выражаются сочетаниями финитных и инфинитных глаголов. Семантические признаки таксиса: одновременность двух или более предикативных признаков, предшествование, следование и другие – нашли свое отражение в деепричастиях, обстоятельственных формах глагола. На большом фактическом материале рассматриваются эти всевозможные деепричастные и обстоятельственные формы, отмеченные в языке. Наряду с семантикой процессуальности, в деепричастных формах отражены категориальные признаки исходных глаголов, такие как переходность-непереходность, утвердительная/отрицательная форма, завершенность-продолжительность, выражение грамматического класса. Отсутствие подчинительной связи между финитными формами глагола компенсируется широким функционированием деепричастий, которые являются главными выразителями семантики зависимого таксиса. Наличие разнообразных деепричастных форм является ярким свидетельством выражения таксисных отношений в бежтинском языке.

Ключевые слова: таксис, деепричастие, бежтинский язык, конверб, дагестанские языки.

TAXIS AND PARTICIPLE II IN BEZHITA LANGUAGE

Bektemirova P. M.

Dagestan State University, Machachkala, Russia (367000, Machachkala, street M. Gadjeva, 47), e-mail: bektempat@mail.ru

In this article participle II is studied as a mean of taxis expression. Taxis meanings are expressed in Bezhta language with combination of finite and infinite verbs. Semantic properties of taxis are: simultaneity of two and more predicative properties, precedence and others finds its expression in participle II, adverbial modifier forms of verb. These participle II and adverbial modifier forms marked in language are examined in a big actual material. In participle II forms are expressed categorial features of initial verbs, such as transitivity/intransitivity, affirmative/negative forms, completeness/duration and expression of grammatical class. Absence of subordinate bond among finite forms of verb is compensated for wide functioning of participle II which is main mean of expressing dependent semantic of taxis. Existence of various participle II forms is bright evidence of expression of taxis relation in Bezhta language.

Key words: taxis, Participle II, Bezhta language, converb, the Dagestan languages.

Бежтинский язык – один из бесписьменных и малоизученных языков Дагестана. Он входит в аваро-андо-цезскую группу языков, в цезскую подгруппу. Изучением бежтинского языка занимались Е. А. Бокарев, Г. И. Мадиева, М. Ш. Халилов и другие ученые лингвисты. На фоне проведенных исследований вырисовывается довольно четкая картина языка с ее неповторимой индивидуальностью. Очень интересно, в плане изучения, деепричастие бежтинского языка.

В настоящей статье нами рассматриваются деепричастия как средство выражения таксиса в бежтинском языке. В исследованиях по бежтинскому языку о таксисе нигде не упоминается (Бокарев 1959; Мадиева 1965; Халилов 1995). Относительное время является одной из разновидностей функционально-семантической категории таксиса. В бежтин-

ском языке представлено не только абсолютное время, ориентированное на момент речи, но и относительное время, ориентированное на время другого глагола.

В русском языкознании деепричастие рассматривается как атрибутивная форма глагола, совмещающая значения двух частей речи: глагола и наречия, т.е. значение действия и обстоятельственно-определяющее. Такой же точки зрения придерживаются и большинство исследователей дагестанских языков.

Термин «таксис» введен Р. О. Якобсоном как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (order). Согласно Якобсону, «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [1972: 101].

Категория таксиса начала свое изучение не так давно, по сравнению с такими глагольными категориями, как аспектуальность, темпоральность, модальность и др. В работах по бежтинскому языку таксис еще не рассмотрен. Однако надо сказать, что семантические признаки таксиса: одновременность двух или более предикативных признаков, предшествование, следование и другие – нашли свое отражение в деепричастиях, обстоятельственных формах глагола.

1. *Бета гьолълъо йукъо тухъинна нисос...*

Затем она (мест.) громко (нареч.) слышать (деепр.) сказать (наст.)

И воскликнула громким голосом, и сказала...(Лука 1. 42)

2. *Мех мокъоль, Элисапетил ъжъо ахъийо.*

Время (сущ.) идти (деепр.), Элисапет(ген.І.) сын (абс.) получить (прош.).

«Когда пришло время, у Елисаветы родился сын»

Елисавете же настало время родить; и она родила сына (Лука 1. 57)

3. *Ов^нкъонайиг водо йе^нкъель, Гъули нукойо.*

Сорок (числ.) день (сущ.) пройти (деепр.) он (мест.) проголодаться (прош.).

«По прошествии сорока дней он проголодался»

...А по прошествии их, напоследок взалкал (Лука 4.2)

Таксисные значения в бежтинском языке выражаются сочетаниями финитных и инфинитных глаголов (*деепричастий*). В дагестанских языках функционируют специальные формы для выражения таксиса. Эти формы традиционно именуются деепричастиями. В последние годы появились работы, в которых деепричастия дагестанских языков описываются в терминах теории таксиса. О морфологической категории таксиса в аварском языке писала З. М. Маллаева [2007], в даргинском языке – Р. О. Муталов [2002: 69]. Они выражают действие и различные оттенки временной ориентации.

Между тем в современном языкознании появилась еще одна точка зрения относительно термина таксис. Согласно этой точке зрения наиболее приемлемым является термин «конвербы», используемый для обозначения подобных единиц В. П. Неद्याлковым [1999:14-16]. *Конверб* в этой работе определяется как «нефинитная форма глагола» (деепричастие или отглагольное имя с предлогом или послелогом), которая преимущественно или всегда выступает в роли обстоятельства. Однако отметим, что традиционная точка зрения, на наш взгляд, является более объемлемой.

В бежтинском языке довольно часто встречаются отглагольные формы, выражающие одновременно действие и различные оттенки временной ориентации действия. Например:

йокчийоназу – «как только взял»,

йокчилъол – «пока возьмет»,

йокчицал – «до тех пор, пока возьмет»,

йокчилъ – «когда взял / возьмет»,

йокчӕлъолкъӕ – «с тех пор, как взял» и др.

У данных форм, наряду с семантикой процессуальности, сохраняются категориальные признаки исходных глаголов, такие как:

переходность/ непереходность;

утвердительная/ отрицательная форма;

завершенность-продолжительность;

выражение грамматического класса.

Помимо основного значения процессуальности, эти формы имеют дополнительное обстоятельственное значение, придаваемое им деривационными суффиксами. Грамматические признаки данных структурных единиц отличаются от свойств русских деепричастий.

В бежтинском языке нет подчинительных союзов, т.е. отсутствует подчинительная связь между финитными формами. Но отсутствие подчинительной связи между финитными формами глагола компенсируется широким функционированием деепричастий, которые являются главными выразителями семантики зависимого таксиса. Таксисные конвербы в дагестанских языках могут образоваться от финитных временных форм, т.е. содержать в своем составе темпоральные показатели. Например:

о^нкъо-лъ-ол – «пока придет» (буд. вр.),

о^нкъо-йо-назу – «как только пришел» (прош. вр.),

о^нкъо-лъ – «когда пришел/придет» (без темпорального показателя).

Семантика категории таксиса трактуется как «временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [ТФГ 1987: 234]. Т.е. действия должны относиться к единому периоду времени. Это является условием таксисных отношений.

Гиса о^нкьо́ль, Закария халкъилахъа икълашена ахъези.

Наружу (нареч.) когда-вышел (деепр.) Закария (абс.) народ (атэссив) говорить (наст.) не смог (отр.ф.)

«Выйдя на улицу, Закария не смог обратиться к народу»

Он же(Закария), выйдя, не мог говорить к ним(с народом)... (Лука1. 22)

Таксис чаще всего объединяется в рамках одной категории либо со временем, либо с видом, либо с видом и временем. «Чистый таксис», освобожденный от всего того, что выходит за пределы собственно хронологических соотношений, был бы абстракцией далекой от языковой онтологии» [ТФГ 1987: 236].

Исследование дагестанских языков шло в русле традиционной русской грамматической теории, поэтому морфологические средства выражения таксиса оставались вне поля зрения. В дагестанских языках таксисные отношения заключаются в деепричастиях. Деепричастия не могут самостоятельно локализовать высказывание во времени, хотя и выражают время совершения действия. Это объясняется синтаксической зависимостью деепричастий, т.е. тем, что последние не образуют самостоятельных синтаксических единиц и нуждаются в предложении в дополнительной смысловой компенсации. Деепричастия бежтинского языка располагают целым рядом формообразовательных суффиксов, выражающих различные оттенки лексического значения. Наличие такого разнообразия деепричастных форм довольно ярко выражает таксисные отношения.

Список литературы

1. Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – С. 292.
2. Керимов К. Р., Ханбалаева С. Н. Категория таксиса в разноструктурных языках (русском, лезгинском, даргинском, аварском, английском). – М.: Academia, 2009. – С. 236.
3. Мадиева Г. И. Грамматический очерк бежтинского языка. – Махачкала: ДГУ, каф. дагестанского и общего языкознания, 1965. – С. 207.
4. Маллаева З. М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Монография. – Махачкала: Деловой мир, 2007. – С. 397.

5. Муталов Р. О. Глагол даргинского языка. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – С. 218.
6. Недеялков И. В. Контекстные конвербы следования на фоне других форм зависимого таксиса // Система языка и структура высказывания: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Адмони (1909–1993) / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 1999. – С. 14-16.
7. Теория функциональной грамматики. – Л.: Наука, 1987. – С.347.
8. Халилов М. Ш. Краткий грамматический очерк бежтинского языка // Бежтинско-русский словарь. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. – С. 420.
9. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
10. «Евангелие от Луки» на бежтинском языке (Перевод М. Ш. Халилова). – М.: Изд-во Института перевода Библии, 1999. – С. 192.

Рецензенты:

Халилов Маджид Шарипович, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.

Керимов Керим Рамазанович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Махачкала.